искания Леонида Андреева, и Е. Старикова в главе «Реализм и символизм» избирают путь конкретных, «именных» сопоставлений: Андреев — Чехов, Ф. Сологуб — Достоевский и т. п.; сопоставления позволяют уточненно определить сложный комплекс притяжений и отталкиваний, связывающих прозу и драму начала XX в. с классической традицией. Прослежен механизм методологических сдвигов, структурных превращений: экспрессивная перегрузка предметного образа, замена художественной индукции априорным «знанием конечного результата» (3, 162) — у Л. Андреева; придание универсально-символического значения социально и психологически типизированному образу — в «Мелком бесе» Сологуба; введение исторически локализованных, детализированных сцен и картин в систему измерений «мировой мистической драмы» (3, 225), стирание границ между реальностью и «мозговой игрой» — в «Петербурге» Андрея Белого. Здесь тоже обрисовывается ситуация переходности, только по своей сути обратная той, какая существовала в XVIII — начале XIX в.

Думается, структурные связи нуждаются в такой же теоретически выверенной дифференциации, как и сами структуры; в этом смысле целесообразно было бы расширить состав основных классификационных определений и соотнесений.

Небольшая рецензия не может претендовать на полноту освещения, на исчерпывающую оценку трехтомного труда. Наша цель была более скромной: нам хотелось выделить симптоматичные удачи и характерные недочеты исследования; первые доказывают перспективность, научную весомость историко-типологических штудий, вторые заставляют предположить, что разработка типологии реализма будет продолжена.

И. А. Гурвич

Европейский романтизм.
Ответственные редакторы:
доктор филол. наук И. Неупокоева, академик Венгерской Академии наук И. Шетер. М., «Наука», 1973

Название коллективного труда советских и венгерских ученых примечательное и обязывающее: предлагая вниманию читателей 12 капитальных статей, авторы стремятся выйти за пределы традиционных трех-четырех национальных литератур и определить типологические черты романтизма действительно в широком европейском литературно-романтическом контексте.

Основные методологические установки и круг проблем выдвинуты в статье И. Неупокоевой «Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей». Для изучения и определения типологии европейского романтизма, по убеждению И. Неупокоевой (и это является общим мнением всех авторов), необходимо последовательное применение сравнительно-типологического метода анализа и обобщения, расширение географических пределов и раздвижение хронологических рамок развития романтизма. Верно замечает исследователь, что «в общих историко-литературных обзорах литературного романтизма, в традиционном наборе примеров, в статьях теоретического плана значительные и своеобразные богатства романтической литературы ряда славянских народов, народов Центральной и Юго-Восточной Европы, Балканских стран, европейского Севера практически не представлены» (с. 10). Между тем если обратимся к этим зонам и если более внимательно отнесемся к уже «знакомым» зонам, то необходимо будет учесть завоевания, например, лирики и лиро-эпики поэтов-декабристов, философской лирики Тютчева, Прешерна, Леопарди, Эминеску; жанры народно-героической поэмы М. Лермонтова, С. Гощиньского, Т. Шевченко, А. Сладковича, П. Негоша, Д. Соломоса, П. Славейкова, Г. Раковского; философско-символической поэмы русского, чешского, венгерского, словацкого, датского, норвежского, сербского, новогреческого, австрийского, итальянского, испанского, романтизма 30—40-х годов; сказочно-поэтической драмы; национально-исторической трагедии (Эленшлегер, Вёрёшмарти, Ю. Словацкий, К. Кишфалуди, И. Катона), исторического романа, философско-повествовательной прозы, эпистолярного, мемуарного, публицистического наследия романтиков 30—70-х годов XIX в. Так что «расширение наших представлений о географических и хронологических границах романтизма важно не только для уяснения широты пространства... Оно важно для характеристики типологии романтизма, для выяснения многих основных, устойчивых его художественных принципов и признаков» (с. 35).

Именно принципиальной важностью и все продолжающейся неуточненностью вопроса о хронологии романтизма объясняется то, что ему в книге посвящается еще одна статья методологического порядка «Романтизм. Предыстория и периодизация» И. Шетера. Время активного действия романтизма как направления в его различных национальных и зональных вариантах И. Шетер определяет